
ИДЕИ И ПРАКТИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О МОДЕРНИЗАЦИИ

О.Ю. МАЛИНОВА

ЕЩЕ ОДИН «РЫВОК»? ОБРАЗЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ О МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Лозунг «модернизации», выдвинутый президентом Д.А. Медведевым в качестве цели собственного политического курса, вызывает очевидные ассоциации с чередой слов, которыми на протяжении последних 20–30 лет обозначали приходившие на смену друг другу программы реформ советского, а затем российского общества – *ускорение, перестройка, либерализация...* Все эти слова-девизы были предложены официальными первыми лицами в качестве ответов на проблемы, которые при ближайшем рассмотрении оказались частными проявлениями более глубокого системного кризиса. Первоначально во главу угла ставилась экономическая составляющая; однако позже выяснялось, что речь должна идти о более комплексной социальной трансформации. Публичная артикуляция очередного девиза являлась сигналом того, что власть признает наличие проблемы и готова ее решать. Выбранное слово указывало на «ключевое звено» в цепи задач, призванных исправить положение, и должно было работать на мобилизацию поддержки будущих реформ (программу которых еще предстояло разработать).

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00202 а.

Слова-девизы «запускали» общественную дискуссию, придавая «официальный» публичный статус проблемам, которые ранее если и обсуждались, то в более узких и специальных средах¹. В силу того что власть исходно стремилась поставить решение номинированной ею проблемы в определенные рамки, а другие участники публичного пространства не располагали организационными и интеллектуальными ресурсами для агрегирования и продвижения альтернативных программ, предметом обсуждения в большей мере оказывалось *определение проблемы*, нежели конкурирующие подходы к ее решению. Вследствие этого водоразделы, связанные с ответом на вопрос «кто виноват?», оказывались представлены более четко, нежели спектр позиций по другим «традиционным вопросам» – «что делать?» и «с чего начать?». Этому способствовала и исходная неопределенность слов-девизов, оставлявшая участникам дискуссии пространство для смыслового маневра. Наконец, следует отметить еще одну особенность сложившихся дискурсивных практик. В обсуждении курса очередных реформ важную роль играет темпоральная составляющая: корни сегодняшних затруднений усматриваются в прошлом, а их преодоление связывается с будущим, которое рисуется существенно отличающимся от настоящего.

В какой мере отмеченные особенности «национального способа» обсуждения нового политического курса проявились в ходе недавней дискуссии по поводу «модернизации»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы анализируем материалы данной дискуссии, сосредоточив внимание на том, как идея модернизации интерпретировалась ведущими российскими политиками и какую роль в ее обосновании играли представления о коллективном прошлом, настоящем и будущем. При этом мы не ставим своей задачей дать полный обзор выступлений, посвященных теме модернизации. Предметом нашего внимания будет не столько описание спектра

¹ По утверждению сторонников конструктивистского подхода, статус *социальных проблем* задается не только «объективно» складывающимися ситуациями, которые имеют «вредные» последствия, и не только тем, как они «субъективно» переживаются индивидами, но и тем, кто, как и на каких публичных аренах заявляет о них в качестве *проблем*, требующих общественного внимания [Хилгартнер, Боск, 2008]. С этой точки зрения артикуляция проблемы первым официальным лицом резко поднимает ее «ранг» в общественной повестке дня.

позиций, представленных в этой дискуссии, сколько анализ дискурсивных практик¹, которые воспроизводят ее участники, т.е. то, каким образом заявляются, обосновываются и оспариваются разные подходы к *модернизации*.

Что понимается под *модернизацией*?

Хотя лозунг *модернизации* был официально предложен Д.А. Медведевым лишь осенью 2009 г., на втором году его президентства [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009; Медведев Д.А. Послание... 2009], нотки неудовлетворенности сложившейся траекторией общественного развития и представление о необходимости неких перемен появились в официальной риторике полутора годами раньше. Эту тему поднял В.В. Путин в конце своего второго президентского срока. В выступлении на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г. он констатировал «крайнюю неэффективность» сегодняшней российской экономики и предлагал для исправления ситуации «реализацию инновационного сценария», который призван обеспечить четырехкратный рост производительности труда за ближайшие 12 лет. Таким образом, в качестве ключевого слова в политическом завещании Путина были названы *инновации*; тогда же был сформулирован принцип: «Переход на *инновационный путь развития* связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в *человеческий капитал*» (выделено мною. – О.М.). Однако слово *модернизация* также упоминалось: уходящий президент говорил о «модернизации существующих производств», «действующих дорог, вокзалов, портов, аэропортов, электростанций и систем коммуникаций», а также о «модернизации государственного управления», которая называлась в качестве условия достижения главной цели – «вхождения России в число мировых политических лидеров» [Путин, 2008]. Таким образом, в путинской постановке вопроса *модернизация* рассматривалась как обновление уже существующих экономиче-

¹ Данное понятие используется в значении, предложенном М. Фуко, и указывает на совокупность анонимных правил, которые устанавливают условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономического или географического пространства [см.: Квадратура смысла... 1999].

ских объектов и управленческих структур, приведение их к современным стандартам, что, в свою очередь, должно было служить главной цели – переходу на *инновационный путь развития* и повышению производительности труда. Стоит отметить, что и Д.А. Медведев активно отработывал тему *инноваций* во время своей избирательной кампании: можно вспомнить его выступление на Красноярском форуме, где был сформулирован принцип четырех «и», необходимых России, – институты, инфраструктура, инновации, инвестиции [Медведев, 2008]. Тем не менее в конечном счете новый президент сделал основным девизом собственного политического курса не *инновации*, а *модернизацию*.

Заметим, что по своим лингвистическим характеристикам эти слова подобны: они представляют собой отглагольные существительные, т.е. обозначают отвлеченное понятие о действии. Правда, первое слово использовалось для определения целей политического курса преимущественно в форме прилагательного («инновационный путь развития», «инновационный сценарий» и т.п.), т.е. указывало общий признак предметов. Оба слова – иностранного происхождения, имеют ограниченную область функционирования и не вполне освоены широкой аудиторией. В то же время в качестве специальных терминов они имеют несколько разных интерпретаций, тесно связанных с научными теориями, у которых имеются как сторонники, так и противники. Таким образом, слова-девизы, использовавшиеся для обозначения нового политического курса, сами по себе не способствовали выработке конкретного знания о действиях политика¹. И если бы их основной функцией была мобилизация поддержки вполне определенного набора мер, то выбор следовало считать неудачным. Можно, однако, предположить, что Д.А. Медведев решал несколько иную задачу: ему требовалось обозначить «авторский» подход к выработке стратегии, доказывающий его самостоятельную политическую субъектность, и в то же время подтвердить «преемственность» с прежним курсом. С этой точки зрения смысловая нечеткость ключевого понятия должна представляться скорее достоинством, нежели недостатком.

¹ Подробнее о лингвистических особенностях слова «модернизация» см.: [Гаврилова, 2012]. Автор статьи благодарен М.В. Гавриловой за консультацию.

Так или иначе, выбор пал на *модернизацию*, и оба лидера властного «тандема» включили данное понятие в свой репертуар. Однако анализируя выступления Медведева и Путина, нетрудно обнаружить характерные различия в его использовании.

В речах Медведева тема *модернизации* звучит заметно чаще; при этом значение данного понятия варьируется. В качестве главного объекта модернизации рассматривается экономика («мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы» [Медведев Д.А. Послание... 2009]), а также отдельные ее отрасли, конкретные проекты (Сколково) и даже отдельные предприятия. Предполагаемый «разворот экономики в сторону модернизации» описывается, во-первых, по контрасту с нынешним положением вещей: «Мы должны уменьшить... нашу унижительную зависимость от сырьевого экспорта и, может быть, что еще более важно, прекратить выжимать последние капли из научно-промышленного потенциала советского периода» [Медведев Д.А. [Выступление... 2010]; и во-вторых, как переход к эффективной и «умной» экономике, опирающейся на внедрение современных интеллектуальных достижений («внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, развитие космических и телекоммуникационных систем, радикальное повышение энергоэффективности» и др. [Медведев Д.А. Послание... 2009]).

Вместе с тем с момента артикуляции нового слова-девида третий президент России стал говорить о *модернизации* и в более широком смысле: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация»; наша задача – осуществить «последовательную и системную модернизацию России» [Медведев Д.А. Послание... 2009] и др. Таким образом, объектами модернизации оказываются не только производственная и технологическая сферы, но и «наше общество» в целом. В выступлениях Медведева можно найти ряд содержательных характеристик *модернизации* во втором, более широком смысле. Так, в послании Федеральному собранию РФ 2009 г., официально провозглашая определяемый этим термином политический курс, президент специально уточнял, как именно следует понимать «стремление быть современными»: «По-настоящему современным может считаться только общество, настроенное на непрерывное обновление, на постоянные

эволюционные преобразования социальных практик, демократических институтов, представлений о будущем, оценок настоящего, на постепенные, но необратимые перемены в технологической, экономической, культурной областях, на неуклонное повышение качества жизни» [Медведев Д.А. Послание... 2009]. Он связывал модернизацию с усложнением общества («умная экономика может быть создана только умными людьми. Поэтому наше общество усложняется, оно неоднородное, многомерное, составляющие его группы ведут разный образ жизни, имеют разные вкусы и взгляды, в том числе и политические взгляды...» [Медведев Д.А. Выступление на заседании... 2010]) и особо отмечал необходимость преодоления «широко распространенных в обществе патерналистских настроений» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009; Медведев Д.А. Выступление на заседании... 2010] и др. С точки зрения более широкого подхода *модернизация* должна включать в себя изменения не только в экономической, но и в политической, социальной, культурных сферах. И в текстах Медведева действительно можно обнаружить примеры подобной интерпретации ключевого слова-деви́за.

Примечательно, однако, что в его первых программных выступлениях, провозглашавших курс на *модернизацию*, данный термин почти не использовался в разделах, посвященных предполагаемым изменениям в политической системе¹. Ту же особенность терминологического ряда можно заметить и в некоторых

¹ Исключение – фраза о «модернизации российской демократии» в статье «Вперед, Россия!», высказанная в контексте рассуждений о том, что наше самобытное политическое развитие («российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы») не отменяет потребности в прагматическом сотрудничестве с «ведущими демократическими странами» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009]. Ср. с текстом президентского послания Федеральному собранию 2009 г., где также в разделе о состоянии и перспективах политической системы нет упоминаний о *модернизации* [Медведев Д.А. Послание... 2009]. В послании 2010 г. *модернизация* по-прежнему не ассоциировалась с политической системой, однако этот термин был использован в контексте рассуждений об «оптимизации системы оказания государственных и муниципальных услуг» [Медведев Д.А. Послание... 2010]. И лишь в 2011 г. упоминание о политической модернизации было включено в ежегодное программное выступление президента: «Проведенная модернизация политической системы сделала ее эффективнее», – рапортовал Д.А. Медведев за два дня до массового митинга на проспекте Сахарова против нарушений в ходе недавно прошедших выборов [Медведев Д.А. Послание... 2011].

более поздних выступлениях. Например, в нашумевшем видеообращении Медведева в блоге, посвященном устранению обнаружившихся в политической системе «симптомов застоя», слово *модернизация* не использовано ни разу [Медведев Д.А. Наша демократия несовершенна... 2010]. Представляется, что это неслучайно. Отказ от прямого использования словосочетания «политическая модернизация» позволял толковать позицию президента двояко: то ли политические изменения – необходимое условие и составная часть намеченных перемен, то ли они должны рассматриваться как самостоятельный процесс, который имеет иные темпы и сроки. Настаивая на немедленной модернизации экономики, Медведев неизменно подчеркивал постепенность обещаемых им политических реформ¹. Неудивительно, что вопрос о сроках и темпах политической модернизации оказался одним из наиболее явных водоразделов в общественной дискуссии.

Хотя термин *модернизация* в риторике Медведева с самого начала употреблялся в разных значениях, можно говорить о постепенном нарастании его смысловой «инфляции». В частности, в серии выступлений президента, имевших место после объявления в сентябре 2011 г. о грядущей «рокировке» в правящем «тандеме», слово *модернизация* оказалось связано с широким кругом объектов, принадлежащих к самым разным сферам: модернизируются не только «экономика», «промышленность», но и «страна», «социальная жизнь» вообще, а также «здравоохранение» и «система образования» в частности. Выступая на съезде «Единой России» и позже перед своими «сторонниками», Медведев говорил о необходимости «практического курса на модернизацию всей нашей жизни» и в этом контексте – о уже имеющей место модернизации «политической системы», «избирательного законодательства» и даже – в перспективе – «самой партии» [Медведев Д.А. Выступление... 2011]. К числу сторонников «курса последнего времени» президент отнес «людей, которые действительно хотят изменений, хотят *модернизации* страны...» [Медведев Д.А. Встреча... 2011].

¹ Сторонники «модернизации при консервации политической системы» не без основания ссылались на Медведева, статья которого «никак не допускала двойных толкований. Президент был исключительно точен в формулировках: модернизировать целые отрасли экономики – да, отдельные важные институты – да, но подрывать основы политической системы – нет» [Перла, 2009, с. 60].

Приходится констатировать, что слово, номинированное в качестве девиза нового политического курса в 2009 г., спустя два года не обрело в риторике своего «автора» статус понятия, ассоциируемого с конкретной последовательностью шагов, направленных на достижение ясных для граждан целей, но осталось абстрактным символом *изменений* вообще. И в условиях предстоящей смены лидера и политического курса это, вероятно, решит его дальнейшую судьбу.

В выступлениях В.В. Путина слово *модернизация* имеет более узкий диапазон значений и используется заметно реже. Глава российского правительства считал нужным говорить о *модернизации* экономики, а также отдельных ее отраслей и производств и даже рабочих мест¹. Он особо выделял задачу *модернизации* оборонно-промышленного комплекса и назвал «возросший Гособоронзаказ одним из важнейших инструментов модернизации как самого ОПК, так и всей экономики России» [Путин В.В. Отчет... 2011]. Таким образом, данное понятие ассоциировалось с техническим и технологическим обновлением экономики и сферы управления. Путин также рассуждал о *модернизации* применительно к социальной сфере и связывал ее с развитием «человеческого капитала». По его определению, «модернизация, другими словами, поступательное и качественное развитие... это прежде всего вложение в человека, его способности, таланты, создание условий для самореализации и инициативы» [Путин, 2010]. Наконец, в отдельных выступлениях премьер-министра можно обнаружить упоминания о «модернизационной повестке» вообще, по-видимому, призванные подчеркнуть согласие внутри «тандема» (например, на сентябрьском съезде «Единой России» – в контексте рассуждений о Д.А. Медведеве как о возможном будущем главе правительства, который сможет «продолжить работу по модернизации всех сторон нашей жизни» [Путин В.В. Выступление на съезде партии... 2011]). Однако особенности употребления данного слова-девиза

¹ Выступая на съезде «Единой России» в качестве уже заявленного кандидата в президенты, Путин поставил задачу в течение ближайших 20 лет «модернизировать каждое третье рабочее место» [Путин, 2011]. На первый взгляд, его подход к «модернизации» кажется более конкретным, нежели медведевский; однако в действительности указание на цифры – не более чем риторический прием: отчитываясь, Путин редко возвращается к тем же количественным показателям, которые использовал в прошлых обещаниях.

двумя лидерами «тандема» ясно указывают на различия их подходов к определению целей политического курса¹. Путин в целом остался верен пониманию *модернизации* как процесса приведения экономических и управленческих структур и практик к современным стандартам, сформулированному еще в его выступлениях в качестве передающего свой пост президента. В свою очередь Медведев пытался использовать выбранное им слово-девиз как в узком, так и в широком смысле, но не слишком преуспел в наполнении его конкретным содержанием.

Еще более существенные расхождения в интерпретации рассматриваемого слова-девиза можно обнаружить в выступлениях других политических акторов. Хотя формально Д.А. Медведев был прав, заявляя на II Мировом политическом форуме о «полной поддержке модернизации со стороны всех политических и общественных сил» [Медведев Д.А. Выступление Президента... 2010], в действительности для разных политиков это слово означало разные вещи.

Лидеры КПРФ увидели в объявленном курсе стыдливое признание ошибок 1990-х и стремление восстановить разрушенные высокотехнологические отрасли производства (т.е. своего рода реиндустриализацию). Считая верными заявленные цели, коммунисты настаивали, что их невозможно осуществить без радикального изменения существующей социально-экономической и политической системы. Они разоблачали «классовые корни предлагаемой властью модернизации» и доказывали, что «правлящий класс впол-

¹ Примечательно, что Путин не счел нужным использовать данный термин в своей программной статье, опубликованной 16 января 2012 г. в газете «Известия» (равно как и термин «инновации»). Для определения главной политической цели выбран термин «стабильное развитие», который связывается с «открытостью к переменам и готовностью к назревшим, продуманным и просчитанным реформам» [Путин, 2012]. Впрочем, нетрудно заметить, что Путин включил в свои предвыборные декларации некоторые идеи, которые был готов связывать с «модернизацией» в годы своего премьерства, – технологическое обновление экономики (создание 25 млн. «высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест») и опору на «человеческий капитал» (призыв использовать «образовательный драйв» и рост «среднего класса» для «для обеспечения экономического роста и устойчивого развития страны») [Путин, 2012]. Особенности этого отбора лишний раз подтверждают, что за вербальным согласием относительно целей политического курса в период «тандема» стояли разные его интерпретации.

не устраивает положение, когда колоссальная собственность, созданная трудом многих поколений, попала в руки кучки нуворишей, а десятки миллионов людей трудятся на них, оставаясь на грани нищеты». Поддерживая общую идею, коммунисты критиковали ее осуществление действующей властью («реальных планов модернизации как не было, так и нет») [Зюганов Г.А. Консервативная модернизация... 2010].

Сходной тактики придерживались и лидеры «Справедливой России», а также «Яблока», однако они в большей степени ориентировались на широкую интерпретацию термина, настаивая на необходимости более комплексного подхода. Как говорил С.М. Миронов, выступая на заседании Государственного совета 22 января 2010 г., «когда мы сегодня говорим о модернизации, многие думают прежде всего о высоких технологиях. Но модернизация – это всегда политический, социальный и культурный сдвиг. Сегодня мы сталкиваемся в нашем обществе с нарастающими угрозами, и их источником является несовершенство политической системы» [Миронов С.М. Выступление... 2010]. В том же духе выступал и лидер «Яблока» С.С. Митрохин: «Мы, безусловно, поддерживаем требование, выдвинутое Президентом России, о необходимости модернизации нашей страны. Но мы считаем при этом, что нынешняя политическая система несовместима с модернизацией» [Митрохин, 2010]. И «Справедливая Россия», и «Яблоко» выдвигали предложения, направленные на углубление реформ, расширяя список задач, изначально поставленных властью. При этом претендовавшие поначалу на роль второй «партии власти» справедливороссы заявляли о своей готовности перехватить инициативу: они критиковали выдвинутую «Единой Россией» идею «консервативной модернизации» и утверждали, что именно их партия может «сплотить вокруг себя реальные общественные силы и сформировать модернизационный класс» [Миронов С.М. Нас не сбить... 2010].

В отличие от других партий «системой оппозиции» ЛДПР не стремилась к «освоению» и переосмыслению предложенного властью слова-девиза, однако в своей предвыборной программе не преминула покритиковать действующую власть за «отсутствие стратегии развития страны» и за «провал» «первой модернизации», которую следовало провести «на базе сверхдоходов энергетических, сырьевых и металлургических отраслей российской

промышленности в период пикового экономического всплеска в 2002–2007 гг.». В то же время обрисованный в программе образ прекрасного будущего вполне совпадает с картинами, представленными в текстах Медведева. В свете такого подхода слово *модернизация* оказывается неудобным, ибо вследствие расплывчатой трактовки (в том числе, в речах Медведева) оно оказалось связано с «изменениями» вообще [Программа... 2011].

Таким образом, «поддерживая» идею *модернизации*, оппозиционные политические партии в зависимости от собственных программных установок вкладывали в нее разный смысл. Примечательно, что при этом они опирались на широкий спектр значений данного слова-девиза, обозначенных его «автором», делая выбор из предложенного «меню» сообразно своим тактическим задачам. Трактовки *модернизации*, предложенные разными «партийными отрядами» политической элиты, очевидным образом различались. Однако эти различия не стали предметом публичных дебатов, они артикулировались преимущественно в режиме монолога, что не стимулировало взаимную критику и дополнительную аргументацию заявленных позиций. Предложение о межпартийных дискуссиях по проблемам *модернизации* в эфире центральных телеканалов, озвученное Г.А. Зюгановым вскоре после провозглашения нового слова-девиза [Зюганов Г.А. Выступление... 2010], не получило поддержки свыше. В этих обстоятельствах оппозиционные партии едва ли могли серьезно повлиять на структуру идеологических размежеваний относительно интерпретации идеи *модернизации*, в то время как ключевые акторы, определявшие направление политического курса, предпочитали маневрировать в широком диапазоне значений этого непонятного, но притягательного слова-девиза.

В более сложном положении оказалась «Единая Россия»: как «партия власти», она была призвана поддержать и возглавить инициативу президента по *изменению* сложившегося уклада; но в то же время это надлежало сделать таким образом, чтобы не бросить тень сомнения на результаты деятельности его предшественника и формального лидера партии, которые были достигнуты под противоположным по смыслу лозунгом *стабилизации*. Неудивительно, что основные усилия по «освоению» нового слова-девиза поначалу были направлены на его адаптацию к уже сложившимся представлениям о партийной идентичности. Идеологи «ЕР» были поглоще-

ны не столько разъяснением смысла нового понятия (который оставался туманным не только для большинства избирателей, но и для самих партийцев), сколько уточнением признаков той *модернизации*, которая может рассматриваться в качестве цели, заслуживающей поддержки. Результатом их усилий оказалась концепция «консервативной модернизации», которая, по определению первого заместителя секретаря Президиума Генсовета партии А. Исаева, «может быть осуществлена на основе консервативного сценария – сценария демократического, ненасильственного, требующего участия большинства народа в проведении такой модернизации» [Стенограмма... 2009]. Таким образом, интерпретируя предложенный Медведевым девиз как приглашение к *изменениям*, единороссы с самого начала попытались провести четкую грань между «хорошей» («консервативной», «ненасильственной», «органической», «демократической», «при участии большинства») и «плохой» («радикальной», «революционной», «по либеральным и социалистическим рецептам», «насиленной») модернизацией. Впрочем, разрабатывая эту тему, они двигались по пути, намеченному самим Медведевым, для которого вопрос: «От какого наследия мы отказываемся?», – с самого начала имел принципиальное значение при обсуждении темы *модернизации*.

Почему опять *модернизация*?

Обращает на себя внимание, что для всех основных политических акторов *модернизация* означает качественное изменение будущего по сравнению с настоящим, некий *рывок в развитии*, который позволит России преодолеть отставание от лидеров и подкрепит ее претензии на роль ключевого игрока в мировой политике. Причем необходимость такого рывка ни у кого не вызывает сомнений, а вот его характер, в частности его соотношение с аналогичными попытками изменений, имевшими место в прошлом, является предметом дискуссии. Обращение к прошлому в контексте обоснования или оспаривания программы политического курса вообще типично для сложившихся в России дискурсивных практик [Малинова, 2011]. Представляется, что это – следствие отсутствия консенсуса в отношении базовых принципов коллективной идентичности [Малинова, 2010]. С учетом «непредсказуемости»

национального прошлого историческое измерение приобретает особое значение в *определении проблем*, подлежащих решению, ибо оно задает смысловые рамки не только для постановки целей, но и для легитимации власти инициаторов очередных перемен в обществе, которому не единожды приходилось переживать революционные трансформации. Ответ на вопрос «что делать?» тесно связан с решением проблемы «кто виноват?». Неоднозначность оценок прошлых попыток заставляет тщательно взвешивать аргументы в пользу очередных реформ. Наконец, необходимость соблюдать «преемственность» по отношению к прежнему курсу создает для инициатора нового «рывка» дополнительные ограничения: задачу всеобщей мобилизации ради лучшего будущего нужно представить так, чтобы она оказалась приемлемой не только для тех, кто не удовлетворен результатами предыдущих реформ и жаждет продолжения, но и для тех, кого вполне устраивала путинская *стабилизация*.

Неудивительно, что рассуждения о прошлом и будущем играли важную роль в программных выступлениях Д.А. Медведева¹. Обосновывая необходимость *модернизации*, он подчеркивал, что «ноша» современных проблем, вынесенных из прошлого², не позволяет рассчитывать на достойное будущее («Добиться лидерства, полагаясь на нефтегазовую конъюнктуру, невозможно» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009]). Тем не менее выход из замкнутого круга негативных явлений, с которыми Россия «знакомы не первые сто лет», есть, ибо влияние прошлого не фатально: традиции, «вписываясь в каждую новую эпоху, все же претерпевают изменения» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009]. Модерниза-

¹ В основу анализа, представленного в данном разделе, положены тексты, в которых было дано первое определение и обоснование нового политического курса – статья «Вперед, Россия!» и Послание Федеральному собранию 2009 г.

² Отметим, что список «проблем», которые Россия должна решить, чтобы обеспечить себе достойное будущее, в текстах Д.А. Медведева определен существенно шире, чем в рассуждениях В.В. Путина о переходе к «инновационному сценарию» [Путин, 2008]. Он включает не только «неэффективную» сырьевую экономику, но и «хроническую коррупцию», патерналистские настроения, невозможность «до бесконечности» пользоваться «достижениями прошлого» и др. [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009; Медведев Д.А. Послание... 2009]. Таким образом, обоснование выстраивалось в расчете на «всестороннюю модернизацию» [Медведев Д.А. Послание... 2009].

ция представлялась Медведевым как двойной разрыв с инерцией прошлого: во-первых, это усилие коллективной воли, обеспечивающее переход на «новую, более высокую ступень развития цивилизации», во-вторых, это отказ от повторения методов предыдущих модернизаций – «петровской (имперской) и советской», которые были «оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009] (см. рис. 1).

Рис. 1.

Модель сопряжения национального прошлого, настоящего и будущего в статье Д.А. Медведева «Вперед, Россия!»

Нынешняя *модернизация* определялась как «первый в истории опыт» такого рода, «основанный на ценностях и институтах демократии» [Медведев Д.А. Послание... 2009]. Медведев доказывал привлекательность нового курса, рисуя парные образы настоящего и будущего: «Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии... полезные людям. Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обще-

ством умных, свободных и ответственных людей. Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям. Вместо прошлой построим настоящую Россию – современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда» [Медведев Д.А. Послание... 2009].

Примечательно, что, рисуя образ прекрасного будущего, президент стремился избегать прямых ассоциаций с зарубежными образцами, «отставание» от которых России надлежит преодолеть: «Наивные представления о непогрешимом и счастливом Западе и вечно недоразвитой России неприемлемы, оскорбительны и опасны» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009]. *Модернизация* представлялась как «наш собственный» выбор, который связан с сознательной «эндогенной» трансформацией коллективной идентичности и не предполагает «механического копирования зарубежных образцов»¹. При постановке задач нынешней *модернизации* Медведев попытался обойтись без традиционного мотивирующего примера Значимого Другого. Правда, его образ все равно играл важную роль в идеологической конструкции, призванной мобилизовать поддержку *модернизации*, поскольку главным стимулом для смены курса объявлялось «выживание нашей страны в современном мире» и обретение ею «статуса мировой державы на принципиально новой основе» [Медведев Д.А. Послание... 2009]². Таким образом, сохранялись основные коннотации, связанные с «Западом» как историческим соперником, противостояние с которым

¹ Последняя фраза относилась к российской демократии [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009].

² Это представление разделялось практически всеми политическими силами и во многом определяло синкретический «консенсус» в отношении *модернизации*. Однако и здесь имели место фактически противоположные по смыслу интерпретации тезиса об «удержании роли мирового лидера». Если одни аналитики хотели видеть Россию будущего «одной из ведущих экономик мира», «радикально сократившей отставание» от Запада «по уровню состояния институтов, темпам развития и диверсификации экономики», членом НАТО и стратегическим союзником ЕС [Россия XXI века... 2010, с. 42–45], то другие видели в модернизации «не цель, а средство... выжить и победить» и категорически возражали против ситуации, «когда ценой модернизации объявляется сдача врагу или даже отказ считать его таковым» [Леонтьев, 2009].

стимулирует *модернизацию*. Однако аргументы Медведева не были напрямую связаны с образом Значимого Другого (в качестве образца для подражания или источника угроз), и основную смысловую нагрузку в них несла идея «изменения будущего» по нашей собственной воле.

В этой логике настоящее оказывается точкой перелома инерции прошлого, началом принципиально новой траектории развития. Возникает вопрос: что дает основания полагать, что на этот раз все получится не «как всегда» и что обещанная «демократическая» и «ненасильственная» модернизация окажется возможной? В текстах Медведева можно обнаружить несколько аргументов в пользу такого предположения. 1. Наше время – «по-настоящему новое», ибо оно «открывает перед нашей страной... огромные возможности», которых «не было и в помине двадцать, тридцать, тем более сто и триста лет назад» (какие именно – не уточнялось). 2. *Модернизация* начинается на базе путинской *стабилизации* (Россия «уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад»); впрочем, провозглашение нового курса означало, что прежний себя исчерпал (социальные системы «лишь воспроизводят текущую модель, но не развивают ее»). 3. *Нынешняя модернизация* впервые будет «демократической» (хотя движение к «свободной, справедливой и гуманной» политической системе мы только «начали»). 4. Наше прошлое – источник не только «проблем», но и положительных примеров, самый важный из которых – победа в Великой Отечественной войне. По словам Медведева, «народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию и отсталость» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009]. 5. «Настало время... сегодняшним поколениям российского народа сказать свое слово» и «поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации» [Медведев Д.А. Послание... 2009]. В конечном счете все эти аргументы опирались исключительно на специфическую модель временного континуума, согласно которой настоящее определяется прошлым (что «извиняет» его несовершенство), однако будущее всецело зависит от выбора, который надлежит сделать сегодня. Прошлое в этой схеме используется не столько для подкрепления заявляемых политических целей «опорой на традиции», сколько для оправдания по-

требности в «еще одной модернизации», которая тем не менее должна оказаться «не такой», как предыдущие.

С учетом такой структуры аргументации в пользу нового курса вряд ли стоит удивляться тому, что вопрос об оценке прошлых опытов *модернизации* – в качестве источника проблем, надежд и образцов для подражания – стал одним из значимых направлений общественной дискуссии. Этому отчасти способствовали усилия «Единой России» по адаптации нового слова-лозунга к ранее выбранной ею идеологической ориентации, которые вылились в разработку концепции *консервативной модернизации*. Воспроизводя модель временного континуума, предложенную Медведевым, идеологи правящей партии позаботились о том, чтобы дистанцировать нынешнюю *модернизацию* от предыдущих попыток, и прежде всего – от опыта советской индустриализации и постсоветских реформ (примечательно, что реформы Петра I и Александра II в этом контексте почти не обсуждались). Это давало возможность подчеркнуть преемственность по отношению к политике «нулевых» годов, представляя *модернизацию* в качестве «третьего этапа плана Путина» [Стенограмма... 2009]. За недостатком адекватных образцов для подражания в отечественном прошлом идеологи «Единой России» вынуждены были обратиться к зарубежному опыту. Ссылаясь на примеры Либерально-демократической партии Японии, Христианско-демократического союза ФРГ, Отто фон Бисмарка, Шарля де Голля, Конрада Аденауэра, Маргарет Тэтчер, Роналда Рейгана и др., они доказывали, что в XX в. «самыми лучшими модернизаторами... оказались именно консерваторы» [Стенограмма... 2009]. Получалась несколько парадоксальная конструкция: *консервативная модернизация*, основным признаком которой объявлялась органичность по отношению к «базовой структуре жизни общества и народа» [Стенограмма... 2009], была призвана радикально изменить отечественную традицию социального реформирования, ориентируясь при этом на зарубежный опыт, который вряд ли мог считаться «органичным» для России. Не случайно некоторые дискуссанты пытались привлечь внимание к рискам, которыми чревато «скрещивание» консерватизма и модернизации. Так, М. Ремизов приглашал участников обсуждения идеологического проекта «Единой России» «истолковать консерватизм как идеологию, отвечающую не столько за стабильность общества, сколько за его целостность», как «поли-

тику идентичности», позволяющую «меняться, чтобы оставаться собой» [Стенограмма... 2009]. В. Фадеев предлагал конструкцию, позволяющую интерпретировать нынешнюю модернизацию как «органичную» в силу того, что она опирается на достижения уже состоявшейся «революционной» модернизации, благодаря которой «Россия, в классическом смысле, является, несомненно, модернизированной страной» [Стенограмма... 2009; Фадеев, 2009]. Однако в целом в «консервативном» дискурсе правящей партии доминирующей оказалась модель «прерывания традиции», позволявшая не только дистанцировать новую *модернизацию* от негативного опыта предыдущих, но и сгладить семантический контраст между заложенной в новом курсе идеей *изменений* и прежней установкой на *стабилизацию*.

Оппоненты концепции «консервативной модернизации», предлагавшие более широко подойти к интерпретации заявленного президентом Медведевым слова-девиза, также не обошлись без оценок прошлого. Главными объектами идеологического противостояния оказались перестройка и последующие реформы 1990-х, а также советский опыт модернизации. Либеральные критики «консервативной модернизации» проводили параллель с перестройкой, задача которой заключалась «в том, чтобы преодолеть нарастающее отставание от Запада именно в модернизационной составляющей экономического соревнования с ним» [Гринберг, 2010]¹. *Модернизацию* предлагалось рассматривать как продолжение перестройки, которая интерпретировалась как «небывалый рывок из посттоталитаризма к ценностям свободы и права, демократии и рынка» [Россия XXI века... 2010, с. 41].

У данной трактовки были противники как справа, так и слева. В числе первых были авторы экспертного доклада, подготовленного Агентством политических новостей, которые доказывали, что поскольку главной миссией модернизации является «полноценная социализация человека и формирование нации как культурно однородного и солидарного сообщества», перестроечный и постсоветский опыт нельзя считать модернизационным, ибо «из фокуса внимания государства... выпало главное содержание про-

¹ Впрочем, учитывая содержание официальной риторики, сравнение модернизации с ускорением выглядело более реалистично [Пастухов, 2010].

цесса модернизации» [Пономарев и др., 2009]. Согласно данному подходу, на современном этапе речь должна идти о преодолении имевшей место в последние десятилетия «демомодернизации». Уникальность этой задачи заключается в том, что «России придется стать страной-пионером в деле построения общества модерна из общества потребления, существующего на обломках прежних модернизационных проектов» [Пономарев и др., 2009]. По мнению авторов доклада, методология такой социальной трансформации предполагает «формирование очагов, эпицентров, моделей нового общества без превентивно-революционного разрушения старого...» [Пономарев и др., 2009].

Критики перестройки слева тоже описывали постсоветский этап как «демомодернизацию», но делали это с помощью другой терминологии: необходимость современных преобразований они связывали с тем, что «Россия, превратившаяся в опытный полигон реставрации дикого капитализма образца XVIII в., почти на 20 лет выпала из процесса развития», а в качестве предпосылки успеха называли преобразование социально-политической системы и «переход от олигархических бесчинств... к социалистической системе» [Зюганов Г.А. Социалистическая модернизация... 2010, с. 7, 34].

Таким образом, спор по поводу интерпретации прошлого оказывается лакмусовой бумажкой, отчетливо проявляющей различия в определении природы современных проблем и в подходах к их решению. Можно согласиться с наблюдением В. Иноземцева, согласно которому нынешний «масштаб запроса на исторические экзерсисы» определяется тем, что «власть, не располагающая идеологическим обоснованием своего доминирования и не способная похвастаться экономическими достижениями, не может не быть падкой на масштабные идеологемы, оправдывающие ее действия исходя из представлений о прошлом» [Иноземцев, 2010]. Представляется, однако, что «историоризация» общественной дискуссии объясняется еще и тем, как устроено обсуждение политического курса: предметом спора является не столько выбор оптимальной программы мер, сколько то, как «правильнее» определять проблему. Не располагая ресурсами для самостоятельного изменения повестки, оппоненты стремятся либо убедить власть скорректировать свою точку зрения, либо делегитимировать ее монополию на артикуляцию целей путем демонстрации неадекватности

заявленных ею подходов. И то и другое проще делать, оспаривая *определение проблемы*, нежели занимаясь разработкой практических альтернатив. А опора на прошлое придает конкурирующим определениям «системный» характер.

По ту сторону «согласия»: Особенности дискурсивных практик обоснования и критики политического курса

Нетрудно убедиться, что за формальным «согласием» с заявленным президентом Медведевым курсом на *модернизацию* стоит целый спектр разных интерпретаций как проблем, так и задач, подлежащих решению. На чем же тогда основан эффект «согласия»?

Во-первых, кризис 2008–2009 гг. способствовал появлению широкого запроса на *изменения*, который был удачно «упакован» в нейтрально-патриотическую терминологию, не имевшую отчетливых право-левых коннотаций («сохранение места России в мире», «обретение статуса мировой державы на принципиально новой основе» и т.п.). В контексте тектонических подвижек, охвативших весь мир, необходимость что-то менять ни у кого не вызывала сомнений. А выбранное слово-девиз давало достаточный простор для определения содержания перемен.

Во-вторых, как в конце 1980-х и начале 1990-х годов, несмотря на изменившуюся структуру публичного пространства [см.: Идейно-символическое пространство... 2011, с. 259–283], в роли главного артикулятора общественных целей выступала власть; другие акторы сочли целесообразным не изобретать альтернативные слова-девизы, а заниматься переопределением уже заданного. Тактически в условиях сложившейся в 2000-х годах медиасистемы это давало возможность работать в «ядре» публичного пространства, создавая информационные поводы в рамках установленной сверху повестки дня. Однако стратегически, как показали события, начавшиеся в декабре 2011 г., это было ошибкой: благодаря скачкообразной «интернетизации» на рубеже 2000–2010-х годов возникли предпосылки для изменения соотношения «ядра» и «периферии» публичной сферы, что делало весьма актуальным поиск альтернативных слов-девизов, способных стать символами политических альтернатив. Напротив, работа на смы-

словом поле, предложенном властью, оказалась не слишком эффективной: у оппозиционных сил не оказалось организационных и интеллектуальных ресурсов, чтобы структурировать пространство идеологической конкуренции, а инициировавший дискуссию президент Медведев предпочел маневрировать в широком диапазоне значений вброшенного слова-лозунга, не конкретизируя его. В конце концов, артикулируя слово-девиз, власть прежде всего решала проблему легитимации собственных управленческих решений.

Наконец, коммуникация оказалась сосредоточена вокруг *определения проблемы*. Хотя отдельные акторы предпринимали усилия для того, чтобы переориентировать дискуссию на обсуждение *задач*, их попытки встречали заметное сопротивление, которое не в последнюю очередь определялось сложившимися дискурсивными практиками, блокирующими кристаллизацию смысловых альтернатив (анализ этих попыток – предмет отдельного исследования).

Подводя итоги, можно констатировать, что президент Медведев был абсолютно прав, критикуя своих сограждан за «низкое качество общественной дискуссии» [Медведев Д.А. Россия, вперед... 2009]. Однако «качество» инициированного им обсуждения *модернизации*, в свою очередь, определялось дискурсивными практиками, во многом сходными с теми, которые задавали рамки коммуникации по поводу *ускорения, перестройки, либерализации* и т.д. Изменение этих практик окажется возможным при условии формирования четко структурированного пространства политических альтернатив, что связано с изменением установок как власти, так и оппозиции.

Литература

- Гаврилова М.В. Президент как субъект политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – В печати.
- Гринберг Р. Наступает пора новой перестройки // Известия. – М., 2010. – 18 марта. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/comment/article3139783/> (Дата обращения: 20.03.2010.)

- Зюганов Г.А.* Выступление на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России, 22 января 2010 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693> (Дата обращения: 28.02.2010.)
- Зюганов Г.А.* Консервативная модернизация – путь в тупик. – 2010. – Режим доступа: http://kprf.ru/party_live/77686.html (Дата обращения: 1.09.2011.)
- Зюганов Г.А.* Социалистическая модернизация – путь к возрождению России // Социалистическая модернизация – путь к возрождению России: Материалы V (апрельского) совместного заседания ЦК и ЦКРК КРПФ. – М., 2010. – С. 6–40.
- Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 285 с.
- Иноземцев В.* Modernizatsya.ru: На свалку историю! // Ведомости. – М., 2010. – 19 апреля. – № 69 (2587). – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/19/231671> (Дата обращения: 20.04.2010.)
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
- Леонтьев М.* Редакционная статья // Однако. – М., 2009. – № 12. – С. 3.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et contra. – М., 2011. – Т. 15, № 3–4. – С. 106–122.
- Медведев Д.А.* Встреча Дмитрия Медведева со сторонниками, 15 октября 2011 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/13065> (Дата обращения: 30.10.2011.)
- Медведев Д.А.* Выступление на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020. Управление ростом», 15 февраля 2008 г. – Режим доступа: http://www.medvedev2008.ru/live_press_15_02.htm (Дата обращения: 16.12.2010.)
- Медведев Д.А.* Выступление на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России, 22 января 2010 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693> (Дата обращения: 28.02.2010.)
- Медведев Д.А.* Выступление на съезде партии «Единая Россия», 24 сентября 2011 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/12802> (Дата обращения: 25.09.2011.)
- Медведев Д.А.* Выступление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева на пленарном заседании Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», 10 сентября 2010 г. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8887> (Дата обращения: 12.09.2010.)

- Медведев Д.А.* Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперед. Обращение в видеоблоге 23 ноября 2010 г. – Режим доступа: <http://blog.kremlin.ru/post/119/transcript> (Дата обращения: 24.11.2010.)
- Медведев Д.А.* Послание Президента Федеральному Собранию, 22 декабря 2011 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/14088/work> (Дата обращения: 23.12.2011.)
- Медведев Д.А.* Послание Президента Федеральному Собранию, 30 ноября 2010 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637/work> (Дата обращения: 27.12.2010.)
- Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (Дата обращения: 20.11.2009.)
- Медведев Д.А.* Россия, вперед! // Газета.ru. – 2009. – 10 сентября. – Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (Дата обращения: 11.09.2009.)
- Медведев Д.А.* [Выступление] // Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, 11 февраля 2010 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6844> (Дата обращения: 28.02.2010.)
- Миронов С.М.* Выступление на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693> (Дата обращения: 28.02.2010.)
- Миронов С.М.* Нас не сбить с избранного пути // Литературная газета. – М., 2010. – № 18 (6273). – Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=133990&p=42> (Дата обращения: 14.01.2012.)
- Митрохин С.С.* Выступление на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693> (Дата обращения: 28.02.2010.)
- Пастухов В.* «BACK IN THE USSR». «Модернизация» как «перестроечный» проект. Опубликовано 24.03.2010. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2010/03/24/reformacion.html> (Дата обращения: 30.03.2010.)
- Перла А.* Модернизация – да. Перестройка – нет // Валовой внутренний продукт. – М., 2009. – № 9 (51). – С. 60–61.
- Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К.* Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад. Опубликовано 30.10.2010. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm> (Дата обращения: 27.12.2010.)
- Программа Либерально-демократической партии России, 2011 г. – Режим доступа: http://www.ldpr.ru/#party/Program_LDPR/Liberal_Democratic_Party_will_show_the_way_the_draft_party_program (Дата обращения: 12.01.2012.)

- Путин В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – М., 2012. – 16 января. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/511884> (Дата обращения: 17.01.2012.)
- Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г. – Режим доступа: http://tours.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml (Дата обращения: 16.12.2010.)
- Путин В.В.* Выступление на съезде Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», 21 декабря 2011 г. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/17451/> (Дата обращения: 12.01.2012.)
- Путин В.В.* Выступление на съезде партии «Единая Россия», 24 сентября 2011 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/12802> (Дата обращения: 25.09.2011.)
- Путин В.В.* Отчет о деятельности Правительства Российской Федерации за 2010 год. – Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/14898/> (Дата обращения: 27.12.2011.)
- Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-информ, 2010. – 66 с.
- Стенограмма презентации проекта партии «Единая Россия» «Мировой опыт консервативной модернизации» в пресс-центре агентства «Интерфакс», 1 декабря 2009 г. – Режим доступа: <http://edinros.er.ru/er/text.shtml?11/1107,100026> (Дата обращения: 28.02.2010.)
- Фадеев В.* Какая модернизация нужна России? – 2009. – Режим доступа: http://russia.ru/video/er_8233/ (Дата обращения: 16.12.2010.)
- Хилгартнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. – М., 2008. – № 2. – С. 73–94.